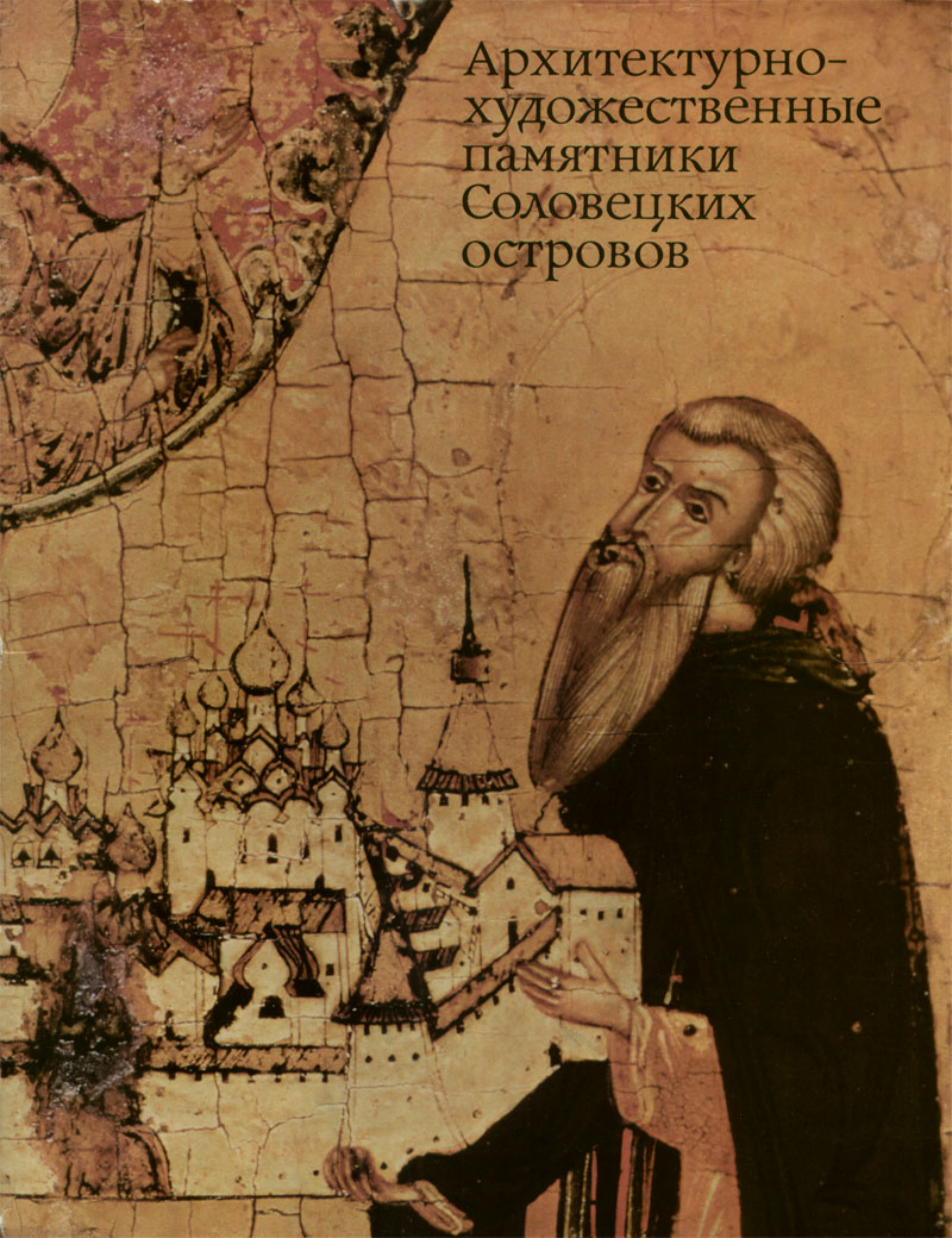

Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов

Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов

Под общей редакцией
Д. С. Лихачева

Москва
«Искусство»
1980

Д.С.Лихачев

СОЛОВКИ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Соловецкий монастырь вошел в историю русской культуры своим знаменитым собранием рукописей, своими каменными строениями XVI и XVII веков—единственным в своем роде комплексом светских инженерных и архитектурных сооружений Древней Руси, своим бесценным собранием икон, ныне рассеянным по многим музеям Советского Союза. Его значение в истории русского Севера с середины XV до начала XVIII века огромно.

Уединенный среди Белого моря на пустынном острове, избранном для скитской жизни, монастырь тем не менее распростер свою светскую—военную, феодальную и хозяйственную—власть на огромном пространстве и сыграл выдающуюся роль в феодализации общественно-хозяйственных отношений на русском Севере. Он постепенно распространил свое влияние на западе до границ Швеции, а на крайнем севере до самой Печенги, где соловецким выходцем монахом Трифоном был основан в XVI веке Трифоно-Печенгский монастырь. Соловецкий монастырь завязал культурные и религиозные связи с Афоном, Константинополем, Сербией. Он держал военные гарнизоны в Карелии и оборонял Белое море от вторжений иноземных кораблей вплоть до середины XIX века. Сотрясаемый внутренними противоречиями, он оказался в результате восстания в 1657—1676 годах во власти оппозиционных к господствующей церкви старообрядцев и избегших казни разнищев и восемь лет оборонялся против осаждавших его правительственных войск. Он был местом ссылки и заключения для неугодных правительству религиозных и государственных деятелей, сыгравших выдающуюся роль в его культурной жизни.

Начало Соловецкого монастыря

Очень характерно и в известной мере символично то обстоятельство, что конец XV века — вернее, его последняя четверть — был временем заката новгородской независимости и одновременно наибольшего территориального расширения монастыря в районе Белого моря.

Символично и то, что смерть Зосимы — последнего из соловецких «начальников», то есть основателей монастыря, — совпала по времени с окончательным падением новгородской независимости: то и другое произошло в 1478 году. Успев укрепить монастырь богатствами и независимостью экономической и в известной мере политической, Новгород передал ему свою организующую роль на Севере. Москва не разорила этого новгородского наследника, а напротив — стала в свою очередь всячески поддерживать, умножая его владения, богатства и военную силу.

Уже в следующем после падения Новгорода 1479 году по ходатайству соловецкого игумена Феодосия Иваном III была выдана Соловкам грамота, в которой подтверждалось право монастыря на владение Соловецкими островами, — право, которое дала монастырю знаменитая защитница новгородской свободы — Марфа Посадница. История Соловков — это история всего русского Севера — большой страны в течение XV, XVI, XVII столетий. Эта страна входила в состав Московского государства, но наследовала элементы относительной самостоятельности Новгорода. Соловецкий монастырь укрепился тогда, когда пал Новгород и значение Новгорода для русского Севера не могло быть сразу и полностью подхвачено Москвой.

Своим началом Соловецкий монастырь непосредственно связан с двумя другими северными монастырями — Кирилло-Белозерским и Валаамским. Согласно сравнительно поздним житиям основателей Соловецкого монастыря, инок Кирилло-Белозерского монастыря Савватий после долгого пребывания в монастыре решил скрыться в «безмолвное место». Он перешел в Валаамский монастырь на Ладожском озере; здесь пробыл немалое время и приобрел уважение братии. Ища еще большего уединения, он пошел дальше на север — к Белому морю.

Когда же появился Савватий на Соловецком острове? Обычно за дату приезда Савватия на Соловки принимается 1429 год. Эта дата заимствована из позднего Соловецкого летописца, где она вычислена на основании разных косвенных и, по-видимому, неверных соображений.

В ранних житиях даты приезда нет, но, по всему судя, Савватий прибыл туда позднее. В Житии Савватия и Зосимы Соловецких, составленном Спиридоном, сказано, что Савватий подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре в 1436 году при митрополите Фотии и великом князе Василии Васильевиче. В других житиях указано, что Савватий жил в Кирилло-Белозерском монастыре «многая лета» «во дни» великого князя Василия Васильевича Московского (даты его правления — 1425—1462), Бориса Александровича Тверского (1425—1461), Федора Ольговича Рязанского (1387—1427), митрополита Фотия (1409—1431), новгородского архиепископа Евфимия Брадатого (1423—1429). Если следовать строгим указаниям дат правления всех этих лиц, то Савватий провел в Кирилло-Белозерском монастыре не «многая лета», а всего два года (1425—1427), то есть еще при жизни основателя Кирилло-Белозерского мона-

стыря Кирилла, умершего в 1427 году. Странно, однако, что Кирилл в этом перечне не упомянут. По-видимому, указание на «правителей» сделано в Житии Савватия и Зосимы приблизительно. Но даже если принять эти указания за точные и считать, что Савватий покинул Кирилло-Белозерский монастырь в 1427 году, то и тут следует учесть, что, поселившись на Валааме, Савватий пребывал там «не мало» времени, имел учеников и покинул его «по нескольких летех», то есть никак не мог прийти на Соловки в 1429 году. Уточнить хронологические данные об основании и первоначальной истории монастыря можно будет только после подробного исследования истории текста всех списков Жития Савватия и Зосимы Соловецких, пока же наиболее вероятным временем прибытия Савватия на Соловки можно принять 30-е годы XV века, и то вероятнее — их вторую половину.

Можно сомневаться в том, что Соловецкий остров до прихода туда Савватия и Германа был действительно «пуст и никем не ведом», как указывается в Житии. Во всяком случае, Савватий узнал о существовании Соловецкого острова, живя в Валаамском монастыре. По свидетельству Жития, приход Савватий вызвал опасения местных жителей. Возможно, это были приезжие рыбаки. Обыкновение приезжать летом на промысел в пустынные места до сих пор существует в некоторых местах на Белом море. Вряд ли Соловки имели постоянных жителей, проводивших здесь долгую зиму в отрыве от материка. Однако Соловки отнюдь не следует считать островами «никем не ведомыми». Следы человека восходят здесь ко временам до нашей эры. Таковы знаменитые «соловецкие лабиринты», связанные своим происхождением с какими-то культовыми языческими обрядами, общими для всего европейского Севера¹.

О том, кто посещал Соловки и зачем, мы можем отчасти судить по той грамоте, которая была выдана соловецким монахам Новгородом на владение Соловецкими островами; там значилось: что «боярам новгородчкым, ни корельским детем, ни иному никому ж в тыи острова не вступатися в страдную землю, ни в поже, ни в тоне, ни в ловища, ни черенов не наряжати (то есть не делать солеварен. — Д. Л.), ни лесов не полесовать никому же... А хто приедеть на тыи острова на ловлю, или на добыток, на сало, или на кожу, ино всим тым давати в дом святого Спаса и святого Николы (т. е. в Соловецкий монастырь. — Д. Л.) изо всего десятина»². Ясно, что здесь говорится не о воображаемых людях и не о воображаемом использовании природных богатств островов, а о вполне реальных и в какой-то мере обычных. Из этого ясно также, что постоянных жителей на островах не было, а добытки приходили с материка летом, чтобы на зиму его покинуть.

* * *

О первоначальной истории Соловецкого монастыря мы узнаем только из житий соловецких «начальников», то есть тех соловецких святых, с которых «начался» Соловецкий монастырь — Савватия, Зосимы и Германа. Жития эти представляют собой исключительный интерес для истории древнерусской литературы. Они показывают постепенное нарастание требований к литературной «украшенности» житий и интенсивность работы по их литературной отделке.

¹ См.: *Виноградов И.* Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. — *Материалы Соловецкого Общества краеведения.* Вып. 4. Соловки, 1927; *Виноградов И.* Новые лабиринты Соловецкого архипелага. — *Материалы Соло-*

вецкого Общества краеведения. Вып. 12. Соловки, 1927.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949, с. 152—153.

В редакции Жития, принадлежащей знаменитому основателю Соловецкой библиотеки игумену Досифею³, после рассказа о погребении им Зосимы обычно помещается «Сказание о сотворении жития Зосимы и Савватия»⁴. Сказание это часто приводится в работах по древней русской литературе как показание самого древнерусского сочинителя о своей работе. Нет ни одного другого Жития, в котором с такой подробностью и полнотой была бы рассказана первоначальная история создания Жития — по чьей инициативе и как составлялись различные его редакции. Вот как представляется литературная история Жития. Первоначально известны были только устные рассказы о Зосиме и Савватии их сподвижника Германа, который прожил значительно дольше их. Именно он и велел клирикам записать то, что знал об обоих. Когда Герман скончался, записи его рассказов были «в небрежении». Монахи «нерадиша о писании том». Причина ясна — Зосима и Савватий были еще не канонизованы и рассказы о них не имели церковного значения. Это были своего рода «свидетельские показания» — материалы для будущей канонизации, которая несомненно уже предвиделась: основатели монастырей обычно причислялись к лику святых, когда монастырь достаточно разрастался и получал церковный авторитет.

Простые рассказы Германа, изложенные в «списании», были взяты для прочтения каким-то иноком Кирилло-Белозерского монастыря и пропали. Тогда ученик Зосимы, игумен Досифей, по совету новгородского архиепископа Геннадия, знавшего Савватия по Валаамскому монастырю, где Савватий пребывал до Соловков, написал Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Досифей был опытный книжник, но монашеское самоуничтожение заставило его называть свой труд «неискусным». Труд Досифея несомненно предназначался для канонизации и с этой целью был представлен митрополиту Геннадию, а такого рода предварительные жития всегда фактичны и просты. Труд Досифея скорее документ, чем житие, и был призван заменить пропавшие записи рассказов Германа.

В предисловии к Житию Зосимы и Савватия, написанном знаменитым Максимом Греком, последний по-другому объясняет, почему Досифей написал свое житие просто и «неухищренно», то есть без излишней витиеватости и литературных украшений. Вокруг Соловков, говорит Максим Грек, жили люди «мало сведуще российского языка»: «ижера, чудь, лопь, вдале же каане и мурмане и инии мнози языцы»⁵. Многие из этих народов приходили в обитель и здесь постригались, становились монахами. Именно для этих народов, мало сведущих в российском языке, и следовало писать просто, безо всякого «добрословия».

Среди этих народов монастырь распространял православную веру — до самого варяжского города Варгав, вблизи которого был основан затем на реке Печенге монастырь св. Троицы. Здесь в «пустыни яко град сотворися»⁶.

Труд Досифея был замечателен своею историографической точностью. Досифей подробно указывает, на основании каких сведений он составлял Житие Савватия и Зосимы. Он пишет, что не смог установить ни года, ни места рождения, ни времени пострижения Савватия, так как «много бо лета прешла суть до написания сего». Устные расспросы не дали каких-либо результатов. О Зосиме Досифей писал со слов его учеников; записывал, например, от некоего инока Пахомия и т. д.

³ См. об игумене Досифее в статье Н. Н. Розова.

⁴ См.: Православный собеседник. Ч. 2. 1859, с. 218 и след.

⁵ Там же, с. 215.

⁶ Там же, с. 217.

По дороге в Москву Досифей заехал в Ферапонтов монастырь, где в это время находился низложенный митрополит Спиридон Савва. Спиридон был искусным книжником и известен как автор Родословия литовских князей⁷. Досифей уговорил Спиридона написать украшенное всеми литературными красотами житие. Это было сделано в 1503 году. Спиридон дополнил труд Досифея похвалами, снабдил его предисловием, где отметил, что основой труда послужило сочинение Досифея. Но и Спиридоновой пышности и «стройности» оказалось недостаточно, и позднее Житие, написанное Спиридоном, было еще раз переработано и расцвечено литературными красотами уже упомянутым выше Максимом Греком по «понуждению» кого-то из соловецких старцев. Но и Максимова Жития Зосимы и Савватия Соловецких показалось соловецким старцам недостаточно; они обратились с просьбой написать похвалы Зосиме и Савватию не то на Афоне, не то в Сербию к сербскому книжнику Аниките Льву Филологу, составившему перед тем Житие князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, погибших в XIII веке в ставке Батые и причисленных к лику святых.

Сохранилось письмо Аникиты Льва Филолога, которым он сопроводил похвальные слова⁸ Зосиме и Савватию при отсылке их в монастырь. Он пишет в нем соловецкому монаху Богдану, которого называет «русином»: «Удивляюсь тебе, как найдя скверную раковину (он разумеет под раковиной самого себя. — Д. Л.), решился ты ее раскрыть. Что могла она представить тебе кроме зловония? Может быть, впрочем, — пишет он дальше, — великий бог, награждая труд твой, даст тебе жемчуг слова, которого ищешь в скверном сосуде моего сердца». Впрочем, призвав на помощь святого архиепископа сербского Савву, который был не только святым, но и образцовым писателем, Аникита Лев Филолог надеется, что его труд окажется достойным Зосимы и Савватия. Далее в своем письме Лев Филолог пишет, что о Зосиме и Савватию он узнал только от Богдана. Мы не знаем, рассказывал ли Богдан Льву или подал ему на переделку какие-то «сказания», составленные соловецким игуменом Досифеем, архиепископом «великой Руси» Спиридоном, и «иным братом, писавшим последи», из которых в своем изощренном сочинении Лев сохранил некоторые северорусские слова: «клокот» (шум), «кережа» (повозка подобная лодке), «карбас», «буса», «обласа» (разные типы беломорских судов).

По упоминаемым в похвальных словах Зосиме и Савватию событиям и лицам видно, что Аникита Лев Филолог писал их между 1534 и 1542 годами.

По некоторым признакам можно судить о том, что Богдан, «русин», в чем-то непосредственно помогал Льву. Так, например, приводя цитату из Григория Богослова о том, как дельфин, поднимаясь из глубины моря на его поверхность, играет около корабля, Лев Филолог вместо дельфина назвал неизвестную на юге беломорскую белуху, «пыскающую» около кораблей.

Замечательная особенность похвальных слов Льва Филолога состоит еще в том, что в них заметно влияние русского писателя XII века Кирилла Туровского. Особенно это касается его описания «царицы времен» — весны.

Где мог познакомиться Лев Филолог с произведениями русского писателя XII века Кирилла Туровского? Списки этих произведений известны в южнославянских странах. Были они несомненно и на Афоне. Пред нами замечательное явление: свиде-

⁷ См. о нем: Дмитриева Р. И. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955.

⁸ Похвальные слова напечатаны в Православном собеседнике (Ч. 3, 1859) с неправильной атрибуцией как написанных Зиновием Отенским. О принадлеж-

ности их Аниките Льву Филологу см.: «Прибавления к изданию святых отцов». Ч. 18, М., 1859, с. 522—547. См. также: Лихачев Д. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. — В кн.: Горски Вујенац A Garland of Essays offered to Prof.

El. M. Hill. Cambridge, 1969, s. 215—219.

тельство многократного общения русских и сербских писателей — общения, захватившего собой и Соловки.

Все эти посвященные Зосиме и Савватию труды, выполненные заботами соловецких старцев, в своем роде замечательны. Литературное умение достигло здесь степени литературной виртуозности. Жития и похвалы отвечали наиболее изысканным вкусам своего времени и должны были производить глубокое эстетическое впечатление на современников. Производили впечатление и имена авторов этих произведений — лучших книжников своего времени.

Как же происходило, по всем этим литературным произведениям, первоначальное устройство монастыря?

* * *

Скрывшись тайно ночью из Валаамского монастыря, Савватий дошел до Белого моря и здесь у местных жителей стал расспрашивать о Соловецком острове. Он узнал, что плыть до острова следует два дня, что остров велик, в окружности сто «поприщ», имеет много озер, полных рыбы, отличной от той, что водится в море, что к острову приходят рыбаки, ловят вокруг него рыбу и уходят «восвояси», что остров покрыт разнообразными деревьями. Горы покрыты бором, а «по раздолиям» растет «всяко древо» и различные ягоды. Узнал он, что растут на острове и превеликие сосны, годные для строительства храмов, и что они «на вся потребности благостройны». Жители предупреждали Савватия, что жизнь на острове будет трудна. В ответе Савватия жителям есть указание на его возраст: Савватий говорил, что есть у него такой Владыка, который дряхлости дает силы юности.

Савватий пришел к устью реки Выга и здесь в месте, называвшемся Сороки, нашел часовню, а в ней старца Германа, который бывал на Соловках. Герман согласился поселиться на острове вместе с Савватием. Они взяли с собой съестные припасы и земледельческие орудия и пристали к острову вблизи самой высокой вершины Соловков — горы Секирной, на которую, очевидно, и ориентировались в море. Савватий и Герман водрузили крест на ближайшем к Секирной горе большом пресноводном озере и здесь поселились (теперь это место называется Савватиево).

Здесь у Савватия и Германа произошло столкновение с местными жителями. По словам Жития, жители Корельского берега отправили на Соловки семью рыбаков для того, чтобы они жили там постоянно. Сделано ли было это нарочито, чтобы изгнать пришельцев, или постоянные жители уже имелись к тому времени на острове, — сказать трудно. Жития святых любят несколько преувеличивать пустынность тех мест, где селились первые подвижники.

Во всяком случае, семья рыбаков считала себя владелицей тех мест. Однажды, рассказывается в Житии, Савватий вышел из кельи, чтобы покадить крест, поставленный им по приезде, и услышал крики неизвестной женщины. Савватий позвал Германа. На вопрос Германа, о чем плачет женщина, та рассказала, что она встретила двух светлых юношей, которые высекали ее и приказали ей с мужем покинуть остров. Немедленно после этого события рыбак и его жена уехали с острова.

Легенда эта, хотя и имеет все признаки топонимической легенды, придуманной для объяснения названия горы «Секирной», тем не менее характерна: остров не был «ничейным», его считали своей собственностью жители Корельского берега. После этого случая, говорится в Житии, сюда продолжали летом приплывать рыбаки, но никто не оставался здесь для постоянного жительства.

Через шесть лет отшельничества Герман отплыл с острова, чтобы приобрести нужное для продолжения там жизни. Савватий остался один и, почувствовав через немалое время приближение смерти, отправился на небольшой лодке на материк. В десяти верстах от устья Выга он встретил игумена Нафанаила и просил причастить его перед смертью. Нафанаил, который спешил напутствовать какого-то больного, просил Савватия подождать его до утра в часовне. Но Савватий настаивал на своей просьбе: «Не весте, что утро будет». Нафанаил исполнил просьбу Савватия. Савватий пошел к часовне, куда к нему зашел прибывший на своем корабле некий купец Иоани. Савватий говорил с Иоанном и преподавал ему наставления. Иоани предложил ему большое подаяние. Савватий просил его раздать это подаяние бедным. Иоани собрался уезжать, но Савватий обратился к нему с просьбой остаться до утра, сказав ему, что он не пожалеет о том и путь его будет покоен. Купец решил все же отправиться, но едва он вышел из часовни, как поднялась буря, и ему пришлось ночевать на берегу. Утром Иоани пришел к часовне, но увидел Савватия умершим на молитве в куколе и мантии. Вернувшийся к тому времени игумен Нафанаил и Иоани погребли Савватия близ часовни.

Через год после смерти Савватия на Соловках появился новый отшельник — Зосима, который и стал основателем Соловецкого монастыря.

Зосима родился в селе Толвуе недалеко от Онежского озера. Юношей Зосима ушел из дома отшельничать в уединенное место, но не порвал связи с родительским домом. Только после смерти родителей он решил искать безмолвия и воздвигнуть обитель вдали от мирской суеты. На севере близ устья Сумы он нашел того же старца Германа, и тот рассказал ему о Савватии и Соловецком острове. Зосима уговорил Германа проводить его до Соловков. Здесь вблизи моря и озера они поставили шалаши («кущи»). В первую же ночь Зосиме было видение: будущая великая церковь на воздухе. Зосима рассказал о своем видении Герману, Герман же рассказал Зосиме об ангелах, прогнавших при Савватии рыбаков с острова, предназначенном для иноческого жития. Зосима и Герман выстроили себе кельи, а через некоторое время Герман отправился на материк за припасами, но осеннее ненастье воспрепятствовало Герману возвратиться на остров. Для Зосимы наступила пора отшельнических подвигов на пустынном острове в условиях суровой зимы. Зосима испытал лишения, его посетило видение и, наконец, он получил помощь хлебом, мукой и маслом от двух неизвестных людей, которых благочестивые авторы Жития сочли за ангелов. Весной Герман вернулся на остров с рыбаком Марком, который и поселился вместе с отшельниками.

К Зосиме и Герману стала собираться братия. Был построен первый деревянный храм на месте видения Зосимы, посвященный Преображению Спаса, с приделом Николая. Отсюда обитель стала часто называться в документах «домом Спаса и Николая Чудотворца». Освящение храма совершилось не сразу. По церковным уста-

новлениям требовалось получить антиминос для престола. Один из братии отправился в Новгород к архиепископу Евфимию, но тот не дал антиминоса, сомневаясь в том, что у монахов достанет сил бороться с суровой природой и с дикими лопарями, соседствовавшими с обителью. Только новгородский архиепископ Иона (1458—1470) прислал антиминос и первого соловецкого игумена — Павла.

Житие Савватия и Зосимы сообщает о том, чем занимались первые обитатели Соловков. Они копали огороды, рубили дрова и варили из морской воды соль, которую меняли на хлеб у промысловиков. Началась борьба с боярскими людьми и корельскими жителями Беломорья, приезжавшими сюда и считавшими остров своей собственностью. Первый игумен Павел не снес тяжелых условий жизни и уехал. Такова же была судьба и двух назначенных сюда из Новгорода игуменов — Феодосия и Ионы. Решили избрать игумена из своей среды. Зосима предложил одного из иноков — Игнатия, но иноки упростили Зосиму принять на себя игуменство. Братия тайно отправила в Новгород к архиепископу одного из монахов просить поставить им игуменом Зосиму. Архиепископ вызвал Зосиму и убедил его принять священство (для поставления в игумены недостаточно было быть монахом, требовалось стать иеромонахом, имеющим право совершать литургию) и стать игуменом. Новый игумен — Зосима — приехал на Соловки с богатыми дарами, собранными им в Новгороде.

Начались годы устроения монастыря, выработки строгого монастырского устава, строительства еще одной церкви — Успения и нового храма на месте старого — Преображения. Братия умножалась, и монастырь крестил жителей Беломорья — корел, финнов, лопарей и норвежцев.

По-видимому, бывший игумен монастыря Иона, живший в Новгороде, хлопотал от Марфы Борецкой и ее сына Федора дарственную грамоту для монастыря на земли, деревни, пожни, лес, ловища водные и «лешие» (то есть лесные) озера у реки Сумы. Другая грамота была получена за печатями архиепископа Ионы, и пяти новгородских концов на владение островом и всеми его угодьями. О грамотах этих не говорится в Житии, но они сохранились, и даты их составления определяются временем архиепископства Ионы — 1458—1470 годами.

Когда Соловецкий монастырь окреп, Кирилло-Белозерский монастырь решил напомнить о том, что Савватий был его иноком. В 1465 году была прислана Зосиме грамота от старцев Кирилло-Белозерского монастыря с предложением перенести в Соловецкий монастырь с реки Выг мощи Савватия, что и было исполнено. Открытие мощей и перенос их описывается в Житии с подобающими такого рода событию чудесными обстоятельствами.

Затем в Житии рассказывается о втором путешествии Зосимы в Новгород. Оно было вынуждено тем, что боярские люди и поморские жители продолжали по традиции пользоваться островом как своей собственностью и грозили разорить монастырь. В Новгороде Зосима обратился за помощью к Марфе Борецкой, которой принадлежал первоначально Соловецкий остров, но Марфа, рассерженная на Зосиму по наговорам своих людей, приказала выгнать Зосиму из своего дома. С подобающим христианину смирением покинул Зосима дом Марфы и со вздохом сказал своему спутнику: «Настанут дни, когда обитатели этого дома не будут ходить по двору,

затворятся двери дома и более не отворятся, запустеет двор». Другие бояре принимали Зосиму, и вскоре Марфа раскаялась и пригласила его к себе. Зосима пришел, его посадили за обедом на почетное место, но старец по своему обыкновению мало ел и сидел, опустив глаза долу, как подобало монаху. Подняв глаза, он увидел шестерых людей, сидевших без голов. Трижды поднимал глаза Зосима и трижды видел обезглавленных. Зосима прослезился и больше не прикасался к еде. Когда он уходил из дома, ученик Зосимы Даниил спросил его, что значили его слезы? Зосима втайне открыл ученику свое видение. Вскоре, в 1478 году, Иван III ходил походом на Новгород и казнил как раз тех, кого Зосима видел без голов, а Марфа с сыном Федором и дочерьми была отправлена в ссылку. Эти два чуда Зосимы были очень популярны и в древней литературе и в многочисленной литературе XIX века о конце новгородской независимости.

Смерть Зосимы описана в Житии со всеми этикетными подробностями, полагающимися при описании смерти святого. Почувствовав приближение кончины, Зосима собрал братию, указал на одного из своих учеников как на своего преемника и произнес наставление. Умер Зосима 17 апреля 1478 года — в год, когда Новгород потерял свою независимость.

Далее в Житии описываются посмертные чудеса святых. Их чтили сперва в местном порядке, а при митрополите Макарии в 1547 году на Московском соборе Савватий и Зосима были канонизированы и почитание их распространилось во всей Русской церкви.

Деятельность на Соловках Филиппа Колычева в середине XVI века

В середине XVI века разросшиеся доходы монастыря от его владений, главным образом от солеварниц, и личные средства, вкладывавшиеся игуменом Филиппом Колычевым, будущим митрополитом, в монастырское хозяйство, позволили начать обширное строительство и организовать в нем различные технические усовершенствования.

Комплекс построек, осуществленных при игумене Филиппе, — это не только замечательный памятник истории русской архитектуры середины XVI века, но и единственный памятник русской технической мысли.

Начало строительной деятельности игумена Филиппа относится к 1552 году. В этом году началось сооружение каменной церкви Успения, связанной с этой церковью одностолпной трапезной и келарни⁹. Это единое сооружение в центре монастыря заключало в себе также придел Усекновения главы Иоанна Предтечи над Успенской церковью, звонницу над трапезной, хлебопекарню под церковью, хлебные и квасные погреба под трапезной, хлебную и мукосейную службу под келарней.

Через шесть лет, в 1558 году, началось сооружение Преображенского собора «на погребах» с шестью приделами — четырьмя наверху по углам и двумя внизу.

⁹ Келарь — монах, ведающий монастырскими съестными припасами, столом и кладовой. Келарня — помещение, подведомственное келарю: кладовая и канцелярия.

Этими двумя комплексами строений был организован монументальный центр монастыря. Впоследствии все эти постройки были связаны между собой другими зданиями и высокими галереями, позволяющими обитателям монастыря переходить из здания в здание, не выходя из помещений в мороз и ненастье. Это был принцип большого северного крестьянского двора, где проникнуть во все хозяйственные постройки можно было, не выходя из строений.

Строительство каменного центра монастыря потребовало не только огромных средств, но и довольно сложной доставки строительного материала: извести, известняковой плиты и кирпича. За известью снаряжались целые флотилии по пятнадцати лодей одновременно.

На самом острове был возведен кирпичный завод («печи и анбары»), выделявший кирпич очень высокого качества, разных размеров и формы.

Сооружения монастыря отличались высокой строительной техникой. Трапезная палата была самой обширной единостолпной палатой своего времени, а Преображенский собор — значительно превосходил по высоте Успенский собор Московского Кремля. Замечательна и обдуманность, с которой он был построен. Собор был на пологом месте, на перешейке, отделявшем высокое по уровню воды Святое озеро от более низкого Залива Благополучия. Поэтому мастера стремились сделать его возможно более устойчивым и создающим впечатление прочности и массивности.

Стены собора опирались на очень широкий фундамент и сужались кверху, создавая покато́сть наружных стен. Сужаясь кверху по наружной поверхности, стены как бы заключали в себе скрытые контрфорсы. Чтобы придать устойчивость зданию, построенному на покато́й плоскости, строители сдвинули его центр на восток, к Святому озеру. «Центр тяжести» собора находится у самой алтарной преграды. Барабан собора также сдвинут на восток и опирается на два огромных столпа с запада и на алтарную стену с востока. Это дало лучшее освещение глухой алтарной стене с большим и высоким иконостасом. Собор, построенный на песчаном и каменистом грунте, казался устойчивым, прочным, незыблемым. Он как бы вырастал из почвы, из камней. Высота собора позволяла ему служить маяком для судов, приближавшихся к острову.

На собственные средства Филипп соединил Святое озеро с пятьюдесятью двумя другими озерами каналами, что значительно подняло уровень Святого озера и позволило устроить в монастыре водопровод и водяные мельницы. Были проведены дороги в трудных условиях каменистых и болотистых почв острова, заведены сенокосные пожни для скота, построены в монастыре деревянные и каменные кельи: «четыре избы великие новые и клетки».

На большом Муксаломском острове был сооружен скотный двор. На берегу Святого озера устроена кузница, изделия которой отличались высоким совершенством. Здесь изготовлялись топоры, лопаты, отливались котлы, колокола, делались огромные сковороды (дрены) для солеварен и производилась художественнаяковка замков, решеток, дверных скоб и т. д.

Филипп соорудил каменную корабельную пристань на Большом Заяцком острове — сейчас самую старую из сохранившихся русских пристаней.

В выстроенных при Филиппе кирпичных заводах была улучшена технология производства кирпича. Раньше копали и мяли глину рабочие, теперь это стали делать с помощью волов и лошадей. При постройке зданий кирпич и известь стали поднимать наверх специальным блоком, действовавшим от ворота, который крутили лошади.

Кроме того, были проведены различные усовершенствования в мукомольном и сушильном деле. Специальные устройства были сделаны для подсевки ржи — в особую телегу рожь насыпалась «сама» и «сама» высыпалась на сушильню. Работы в севальне были ускорены и облегчены: «десятью решеты один старец сеет». Было устроено решето, которое также «само» сеяло и засеивало, отдельно «разводило» муку и отруби, сеяло крупу и отделяло «крупу» от высевок. Для веяния зерна были поставлены специальные мехи, приводившиеся в движение мельницей. Если раньше квас разливали из чанов «вся братия и слуги многие», то при Филиппе его стали подавать в погреб по трубам и по трубам же разливать в бочки. Всю работу производил один старец и пять слуг.

В леса острова были выпущены олени, шкуры которых использовались для изготовления одежды. Одна из морских губ была перегорожена каменной дамбой и превращена в садки для рыбы. В не меньших масштабах велась организация соляных и железных промыслов.

Монастырские «тиуны» и «доводчики» стали получать жалованье. Были заведены «слуги нарядные», то есть управляющие, имевшие различные поручения.

Согласно Житию Филиппа, он «горы великие прекопа и удолия избрази и воду текущи от езера в езеро сотвори... и два источника сотвори и под монастырь во езеро проведе, в толчею же и мельницу ко успокоению братскому сотвори... палаты благостройны содела двоеровны и троеровны (двухэтажные и трехэтажные. — Д. Л.) в соблюдение монастырских потреб...»¹⁰.

Исследователь соловецкого хозяйства А. М. Борисов предлагает «не преувеличивать» роль Филиппа: «Ведущая роль в технических новшествах принадлежала ремесленникам и мастерам»¹¹. Это безусловно так, но организаторская роль Филиппа также должна учитываться.

Хозяйственная деятельность Филиппа служила примером для всех остальных игуменов и архимандритов монастыря, и канонизация Филиппа в XVII веке немало этому способствовала.

Как известно, Филипп был вызван на Москву Иваном Грозным в 1566 году и затем «ругательно» сведен с митрополичьего престола в 1568 году за непокорность и смелые обличения Грозного, а затем замучен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре в 1570 году.

В 1591 году мощи митрополита Филиппа были перевезены из Твери на Соловки. В Миней, напечатанной в 1636 году в Москве, была помещена служба Филиппу. В 1652 году при царе Алексее Михайловиче мощи Филиппа были торжественно перевезены в Москву и установлены в кремлевском Успенском соборе. При этом замечательно, что перевозил мощи Филиппа будущий патриарх — новгородский митрополит Никон, сам когда-то бывший соловецким постриженником. Перед тем как перевезти мощи, Никон читал в Преображенском соборе царское послание к умер-

¹⁰ Рукопись жития митрополита Филиппа. Гпб., Солов. собр. № 191, л. 2 об., 3.

¹¹ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск, 1966, с. 72.

шему Филиппу и вложил в руку покойного собственноручную грамоту царя, в которой Алексей Михайлович просил прощения у Филиппа за Ивана Грозного. Это был важный политический акт, в котором государь перед лицом всего народа открыто и торжественно отрекался от кровавого террора, применявшегося в управлении страной Грозным, и обещал за себя и своих потомков никогда не повторить прошлого.

Военное значение монастыря в XVI и XVII веках

В XVI и XVII веках Соловецкий монастырь держал оборону всего русского Севера — от Мурманского берега и до западной Корелии — всего Поморья. Соловецкий монастырь был не только крепостью, но и тем распорядительным центром, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случаях нападения — и военными действиями.

Впервые военная угроза монастырю возникла в 1571 году, когда у Соловков появились шведские военные корабли. Москва установила наблюдение за кораблями, а в 1578 году, откликаясь на просьбу монастыря о военной помощи, прислала на остров воеводу Михаила Озерова, четырех пушкарей, десять стрельцов, сто «ручниц», пять «затинных пищалей» (пушек). Из Вологды тоже прибыли пушкари, были привезены еще четыре пищали, запас ядер и пороха. Воевода Озеров набрал девяносто пять стрельцов и построил вокруг монастыря деревянный острог.

Начальником крепости стал игумен, которому из Москвы приказывалось решать все военные дела вместе с воеводой Озеровым. Помощь московского правительства продолжалась и в 1579 году, когда монастырские владения в Кемской волости подверглись нападению с суши «каянских немцев», то есть шведов. Плохо обученные стрельцы были разбиты, а сам воевода Озеров убит.

Новый воевода Киприан Аничков принял энергичные меры, набрал и обучил новых ратников, соорудил Ринозерский острог на финляндской границе и успешно отбил в нем в декабре 1580 года нападение трехтысячного шведского войска, захватив богатые трофеи.

Военная помощь монастырю все возрастала, а кроме того, делались новые и новые вклады. Грозный понимал значение монастыря как крепости в обороне русского Севера.

Летом 1581 года Аничков получил из Москвы указания по обороне. Ему предписывалось летом охранять монастырь, а в зимнее время держать войско на берегу. То же было повторено и сменившему в 1582 году Аничкова — Ивану Окучину. Соловецкие войска вели, таким образом, сезонную оборону, — летом сосредоточиваясь главным образом на Соловках, а зимой переезжая для обороны на материк. В 1582—1583 годах был построен Сумский острог, а в 1582 или 1584 году по указу царя Федора Иоанновича на месте деревянного острога началось возведение знаменитой каменной стены вокруг Соловецкого монастыря, способной выдержать силь-

ную бомбардировку артиллерии. Строительство велось на средства монастыря, и это давало монастырю новые права и преимущества в собирании вокруг себя поморских земель.

Строительство монастырской стены было материально подкреплено различными правительственными дарениями и частичным освобождением монастырских земель от обложений.

Работами по сооружению крепостных стен монастыря ведал монах Трифон из крестьян села Неноксы. Стена имела восемь башен. Башни эти имели и официальные и народные названия. В монастырских документах чаще всего фигурируют первые. По старой церковной традиции монастырские ворота и башни назывались обычно по тем церквям, к которым вели ворота или у которых башни находились, но народные названия были и более простыми и более выразительными. Так, например, прямоугольная башня, выходившая к бухте Благополучия, против церкви Успения, официально называлась Успенской, а народное название ее было — Оружейная, или Сельдяная. В башне этой был арсенал, и недалеко от нее находились Сельдяные ворота, через которые обычно отправлялись на промысел монахи-рыбаки. Архангельская башня, выходившая к Святому озеру, называлась также Водяной, Корожная башня — Сторожевой, так как с нее следили за приближением кораблей, а впоследствии ее стали называть Арестантской, так как рядом с ней находилась монастырская тюрьма.

Длина монастырских стен составляет более километра, а толщина их (5—6 м) превосходит толщину стен Московского Кремля. Монастырь тщательно следил за сохранностью стен, и ведал ими один из двенадцати монастырских старцев, называвшийся «городничий старец».

Война России со Швецией 1590—1593 годов отразилась и на севере — три года шведские воеводы опустошали Беломорье и Кольский полуостров. В 1590 году шведы сожгли Печенгский монастырь на Кольском полуострове и перебили всех его жителей: шестьдесят пять мирян и пятьдесят одного инока. Они разорили также окрестности Колы, но не смогли овладеть самим острогом, незадолго перед тем построенным. В том же году шведы разорили земли по рекам Ковде, Умбе, Керети и Кеми. В 1591 году шведы снова подошли к Коле. Во время другого похода они подошли к Сумскому острогу, сожгли его посад, но острога не взяли.

В 1592 году снова были разорены и опустошены земли от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока, но Сумский острог не был взят: стрельцы и крестьяне отбились от шведов и нанесли шведам жестокое поражение.

Русско-шведская война закончилась в 1595 году победоносно для России. Тявзинский мир возвратил России Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. В 1598 году было закончено строительство Кемского острога в устье реки Кеми.

Последствия шведской агрессии 90-х годов были очень тяжелы для Западного Беломорья. Исследователь истории Соловков А. М. Борисов отмечает, что «шведская агрессия тяжело отразилась как на хозяйственной жизни монастыря, так и на значительной части крестьянских хозяйств Поморья»¹². Вот некоторые приводимые им данные: «Особенно разрушенными оказались соляные варницы и другие промыслы, сильно сократилась и рыбная ловля. Многие поморские волости (Керетская, Кем-

¹² Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках

ская, Подужемская и другие) оказались разоренными, их крестьянское население значительно сократилось. В «Отводной записи» 1591 года Семена Юренева сообщается, что в Кемской волости в конце XVI века из 96 дворов и 146 человек тяглого крестьянского населения осталось 52 двора, в них тяглого населения 64 человека, пустых дворов 44; из 85 луков земли живущих осталось 37, вместо 50 четей распахивали 15 четей. Сенные покосы сократились в 2,6 раза, вместо прежних 800 копен теперь накашивали 300 копен. В Кемской волости из 20 соляных варниц действовало только 8 варниц»¹³. «Во время этой войны значительная часть сельского населения погибла, другая часть разбежалась в разные районы. Эта картина хозяйственного разорения наблюдалась почти во всех волостях Поморья»¹⁴.

Особенно возросло военное значение монастыря в начале XVII века — в период Смуты. Соловецкий монастырь сыграл огромную роль в отстаивании независимости Русского государства. В этот период он вел самостоятельную политику, вступал в переговоры и открывал военные действия.

В конце 1610 года шведское войско под предводительством Якова Понтуса Делагарди начало оккупацию новгородских земель, а весной двинулось на русский Север. Шведы стремились захватить Кольский полуостров и западное побережье Белого моря: Кемь и Сумский острог.

Походу сопутствовали дипломатические переговоры с Соловецким монастырем, во время которых соловецкий игумен Антоний проявил и дипломатический такт и широкое понимание сложившегося положения. Дипломатический нажим шведов не привел к желаемым ими результатам, а военный поход был сорван партизанскими действиями местных крестьян.

В 1613—1614 годах Соловецкому управлению пришлось защищать свои вотчины с другой стороны — у Холмогор — от набега «черкас» и «литовских» людей, под которыми разумелись русские и украинские изменники из войска Ходкевича. В декабре 1613 года «черкасы» были разбиты под Холмогорами, но и после своего поражения «черкасы» продолжали набеги на север. Они разорили Николо-Корельский монастырь, Неноксу, Луду, Уну, Сумскую волость, Онегу и только весной 1614 года были окончательно разбиты.

Несмотря на сильное опустошение своих земель, Соловецкий монастырь давал крупные суммы денег в помощь Русскому государству. Денежная помощь Соловецкого монастыря Русскому государству продолжалась и после Смуты. Крупные суммы были даны в 1632, 1656 и 1664 годах. Соловецкий монастырь в течение всего XVII века строил крепости от далекой Колы до более близких мест—Сумы, Кеми. Укреплялся и сам монастырь. В 1621 году была пристроена стена со стороны Святого озера с Поваренной и Квасоваренной башнями¹⁵, затем с севера вырыт обложенный камнем ров, устроен тын и т. д.

Военные тревоги продолжались в течение всего XVII века, но во всероссийском масштабе оборонное значение монастыря вновь дало о себе знать только при Петре I.

¹³ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, № 260, с. 319—327. (Примеч. А. М. Борисова.)

¹⁵ См.: «Летописец Соловецкий», изд. 2-е. М., 1821, с. 33—34.

¹⁴ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках, с. 74—75.

Хозяйство и управление монастыря в XVI и XVII веках

Монастырское землевладение распространялось с необыкновенной быстротой. Уже в середине XVI века владения Соловецкого монастыря не ограничиваются Поморьем. Они простираются до Онежского озера. Отдельные владения имелись в Каргопольском, Двинском и Новгородском уездах, под Москвой. Монастырские дворы были в разных городах России и особенно большие — в Новгороде и Москве. Монастырь рос за счет дарений, покупок, мены, захватов земель, принадлежавших ранее новгородским боярам или «корельским детям», или вообще пустовавших и никому не принадлежавших. В XVI и XVII века все западное и южное Беломорье было охвачено отдельными владениями монастыря. Монастырь приобретал земли, соляные варницы, рыболовные угодья. Сельское хозяйство в соловецких вотчинах не могло удовлетворить всех потребностей монастыря. Монахи покупали хлеб, масло (коровье и растительное), крупы, мед, мясные туши, сермяжное сукно, холст — все то, чем бедны были северные окраины Русского государства. Взамен монастырь продавал соль, рыбу, железные изделия, книги, иконы и пр. Особенно развит был вывоз соли. Соляные варницы монастыря были разбросаны по всему Северу. Соль варилась из морской воды и соляных ключей в цренах, размером в несколько метров в ширину и длину. Для варки соли требовалось так много дров, что уже при Федоре Иоанновиче в конце XVI века соловецкие старцы жаловались, что «леса высекли, варить соль стало нечем».

«Монастырь-государь» ведал обороной Севера и наблюдал за тем, чтобы корельские и иные племена «жили за государем неизменно». Государственные льготы и пожертвования монастырю были поэтому совершенно исключительны и особенно усилились при Иване Грозном и после Смутного времени. В пожертвование монастырю входили не только деньги, церковные ценности, но и порох, пищаля, ядра.

В монастырь поступали большие доходы: за соль с монастырских варниц, с торговли. Поступали вклады, представляющие собой очень сложное явление, так как они были разнообразны по характеру и еще более разнообразны по условиям, на которых они делались. Тут были и денежные пожертвования и пожертвования различных ценностей: земель, книг, икон, ювелирных изделий, товаров, различных доходов и т. д. Одни давали вклады, чтобы иметь почетное положение в монастыре, другие — «за помин души» родителей или «по себе». Были «кружечные деньги», оброчные, «земская» дань и т. д. Оброк платили с монастырских угодий, деньги собирали с богомольцев за свечи, за «променные» образа и т. д. Богомольцев кормили и содержали на острове три дня бесплатно, а потом брали с них плату, в первые дни — меньшую, в последующие — большую.

Были и большие расходы по содержанию монастыря, братии и богомольцев, стрельцов, на поддержание различных промыслов, жалованье монастырскимстряпчим, доводчикам, всевозможным «служебникам». Монастырь имел свой бюджет. Доходы и расходы регулировались и контролировались, утверждались и ревизовались. В целом монастырь был сказочно богат. Деньги посылались в Москву, давались в заем правительству. Платил монастырь и церковную дань Новгороду.

Положение монастыря было очень сложным. Он был не только владельцем земельных угодий, различных промыслов, вел большую торговлю и все это на различных условиях, которые вырабатывало феодальное общество, но и крепостью, защищая границы Русского государства в Карелии и севернее — в районе Печенги.

Соловецкий монастырь — представитель московского правительства на Севере — был в сложных отношениях с «домом святой Софии» в Новгороде. Все это вынуждало монастырь вести очень энергичную организаторскую работу, иметь развитый управленческий аппарат.

Положение затруднялось еще и тем, что почти полгода монастырь бывал отрезан льдами от своих владений.

Во главе монастыря стоял игумен, возведенный в сан архимандрита в 1651 году. Игумены назначались первое время из Новгорода, но уже в XVI веке они избирались братией и только после избрания посылались ставиться в Новгород, а впоследствии в Москву. Новгород, а потом Москва несколько раз пытались нарушить этот порядок и сами присылать игуменов.

Первые два игумена, назначенные после Зосимы и Савватия, «удалились» из монастыря, «не стерпев пустынного труда», после чего братия стала избирать игуменов «из сущих между себе». В целом монастырю удалось одержать победу в своей борьбе за самостоятельность.

Впоследствии все же Москва пыталась вмешиваться в монастырские назначения. Так, в 1514 году Москва свела с Соловков игумена Ефимия, и для поставления каждого нового игумена требовалось согласие московского государя. Вмешательство в дела монастыря приобретало разные формы. Так, например, после опалы митрополита Филиппа в 1568 году на Соловках был «обыск», то есть ревизия. В Москву были вызваны десять старцев во главе со старцем Зосимой, и монастырь подвергся опале.

Игумен, а после архимандрит, избирался пожизненно и управлял монастырем сам. Его помощниками были келарь и казначей. Келарь ведал всем сложным монастырским хозяйством. Келаря также выбирали монахи монастыря, но и здесь Москва вмешивалась в выборы. В 1626 году келарь был прямо назначен из Москвы. В 1629 году после смерти назначенного Москвой келаря монастырская братия обратилась в Москву с просьбой восстановить прежний обычай избрания келаря «на черном соборе» всех иноков. Москва потребовала одного, — чтобы в Москву сообщали о том, кто избран в келари. Москва с опаской следила за тем, что происходило в монастыре, и стремилась к тому, чтобы быть в курсе всех внутренних дел монастыря. Москва требовала также, чтобы при выборах келаря присутствовали все монастырские «береговые прикащики», рассеянные в многочисленных монастырских владениях на «берегу», то есть на материке.

Казначей также избирался всей братией как помощник келаря, — обычно на два года. Казначей ведал казной, вел приходные и расходные книги. Казначей проверяла избранная братией комиссия из соборных старцев и нового казначея. Считали по книгам, чтобы приход и расход сходились. Проверенные книги подписывались. В помощники келарю избирался подкеларник, а в помощь казначею — казенный дьячок.

Высшим органом власти на Соловках был собор из двенадцати старцев. Особенно ответственные установления делались по «благословению» игумена и по приговору келаря и всех соборных старцев. В важных случаях собирался большой «черный собор» всех постриженников монастыря, в менее важных — «малый собор» из игумена, келаря, казначея и всех соборных старцев числом двенадцать.

Формально все монахи (в XVII веке их было до трехсот пятидесяти) получали одежду и обувь от монастыря и питались за общим столом, но все же у многих монахов, и преимущественно у соборных старцев, имелись «собинные деньги», и они могли покупать отдельные кельи. Пожилые монахи, особенно опять-таки из соборных старцев, имели у себя послушников, слуг и учеников, вели отдельное хозяйство. Так, например, у старца Александра Булатникова, с которым связаны различные пожертвования в монастырь (в том числе и денежные) и прекрасные иллюминированные («лицевые») рукописи, было девять учеников.

В соборные старцы определялись по преимуществу лица пожилые, знатные и богатые, сделавшие в монастырь значительные вклады, иногда в соборные старцы зачисляли по царской грамоте. Таким, например, был уже упомянутый старец Александр Булатников — «восприемник» (то есть крестный отец) царских детей.

Привилегированное положение часто развращало старцев. Царская грамота 1636 года указывала, что в монастырь привозят вино и мед, развелось пьянство и что старцы стремятся забрать в свои руки все управление монастырем, не считаясь с другими постриженниками — «всего черного собора». В общей своей массе монахи были очень различны по имущественному положению. Для того чтобы постричься в монастырь, необходим был «вклад», но никаких определенных требований в отношении размеров вклада не устанавливалось. Вклад мог быть и в два рубля и более. Постригали и без вклада — «за заслуги» или «по царской грамоте». Были среди монахов крестьяне, бобыли, казаки, посадские люди и даже бывшие пленные из поляков и литвинов.

Во владениях монастыря жили крестьяне, бобыли, различные «сироты». Монастырь имел многочисленных служилых людей, содержал стрельцов — в самом монастыре и за его оградами, на берегу. На самом острове, но за пределами монастырских стен, в XVII веке жило до шестисот работных людей.

Монастырь имел многочисленную и разнообразную хозяйственную администрацию как на самом острове, так и «на берегу».

В самом монастыре хранились большие запасы провизии: хлеб закупался в урожайные годы, когда он был дешев. Держали разные крупы, солод, толокно, горох. После взятия Соловецкого монастыря, выдержавшего восьмилетнюю осаду правительственных войск в 1668—1676 годах, в житницах монастыря оказалось еще 4228 четвертей ржи, 130 четвертей пшеницы, 869 четвертей ячменя, 250 четвертей овса, 3355 четвертей ржаной муки, 75 четвертей ячменной крупы, 470 четвертей ржаного солоду, 130 четвертей ячменного солоду, 35 четвертей овсяных круп, 67 четвертей круп ячменных, 21 четвертей толокна, 20 четвертей ржаных круп и т. д. В погребе было 99 пудов коровьего масла, 20 пудов меду, больше 12 пудов испорченного меду и 3 с половиной бочки вина. Точную опись житного «запаса» вел специальный житный ключник. В монастыре были и другие запасы — кожа разных сортов, черные

«манатейные» и сермяжные сукна, овчины, плотничные, кузнечные и «ладейные снасти», материалы и инструменты и пр. Все это хранилось и учитывалось специально приставленными к тому монахами, имелись приходные и расходные книги, систематически велась ревизия. Наиболее ценные вещи хранились в двухэтажной «казенной палате». В верхнем этаже находились драгоценности: иконы в окладах различных пожертвований, сосуды, жемчуг, меха, денежные запасы, дорогие ткани, бумага и краски. В нижнем — посуда медная и оловянная, стекла, слюда, свинец, олово, медь, свечи, деревянное масло, порох и т. п.

В 1676 году на монастырских стенах стояли шестьдесят четыре пушки, из них только одна неисправная. Была и специальная оружейная палата. Там хранились панцири и кольчуги, карабины, пистолеты, самопалы, пищажи, стрелы, топоры, ломы, пилы, копья, запасы свинца, пороха, железо различных сортов, даже знамена, сбруя для конного войска.

Была и особая правильно организованная «книгохранительная палата». Книгохранитель назначался из соборных старцев. Здесь, в «книгохранительной палате», не только хранились и выдавались для прочтения книги, но систематически велась и переписка книг по лучшим образцам, специально для того имевшимся в монастыре. Книги предназначались для самой монастырской библиотеки, для продажи и для дарений. Имелись в библиотеке и особые «отводные книги» — мы бы их назвали инвентарными, — куда записывались книги, поступившие в библиотеку.

В казенной палате хранилась разная «снасть» для переплетания книг. Благодаря этому мы по тиснению на кожаных переплетах можем теперь узнать книги, изготовленные на Соловках. Среди книг были роскошные подарки Грозного, митрополита Макария, игумена Макария, старца Булатникова и т. д.

Монастырское делопроизводство велось с изумительной для своего времени аккуратностью и систематичностью. Канцелярский аппарат работал точно и был относительно экономен. Все деловые документы хранились в «крепостной палате». Архив был правильно организован. С наиболее ценных документов снималось по несколько копий, которые рассылались приказчикам для справок, для удостоверения прав монастыря на владение теми или иными «усольями».

В двух каменных зданиях размещалась больница: для монахов и для мирян. Лекарства продавались и выдавались на сторону. Была и школа, где детей не только обучали, но кормили, одевали и обували «монастырским», то есть за монастырский счет и из монастырских запасов.

Существовала в монастыре большая иконописная мастерская. Иконы дарились богомольцам, продавались и «променивались». Некоторые заказы были по тем временам огромны: заказывалось по тридцать, шестьдесят и сто икон одного и того же сюжета. Некоторые иконописцы работали на монастырь из монастырских материалов, и монастырь затем продавал эти иконы по значительно более дорогой цене, чем они ему стоили. Предстоит еще много сделать, чтобы изучить особенности икон соловецких «писем».

За стенами монастыря располагались «гостиные палаты», то есть гостиницы. Почти все службы монастыря были каменные. В монастыре в пору его расцвета в конце XVI и первой половины XVII века существовала «дровяная изба», конюшенный

двор, около семидесяти — восьмидесяти лошадей, ста волов. В конюшенных кельях жили конюшенные слуги. На огородах работали недоросли и другие «наймиты». Летом нанималось более двухсот «казаков». Были в монастыре и «трудники», то есть богомольцы, которые работали здесь добровольно по обещанию вместо вклада в течение определенного срока.

В одном Сумском погосте стояло около ста, а позднее и сто двадцать пять стрельцов. Летом число стрельцов «для оберегательства» на самом острове всегда увеличивалось. Стрельцы не только несли службу по крепостцам, но сопровождали гонцов, денежные посылки, ссыльных людей, стояли на карауле в «сполошное» время, копали рвы, ставили тын, «чеснок». Стрельцы получали жалованье, боевые припасы. Некоторые из них в свободное время занимались разными промыслами, ремеслами, кормицничеством на монастырских ладьях, немного хлебопашеством, имели сенокосные поля. Монастырские крестьяне вели не только земледелие, но и плотничали, имели мельничное дело, разную торговлю: возили на рынок соль, ворвань, рыбу, сало, меха. Некоторые торговали сапогами, платьем, льном.

Иногда монастырь сам налаживал крестьянское хозяйство, сажал на землю «новоприбылых» крестьян. Взаимоотношения с монастырем этих новых крестьян и «старожильцов» были очень сложные. Условия держания ими земли были различны, как и различны были формы обложения и формы временной помощи крестьянам. Все эти взаимоотношения определялись особыми письменными документами — «порядными», и следить за их выполнением должны были монастырские чиновники. Монастырю платили и денежную подать и натуральную, монастырские крестьяне несли ямскую повинность, то есть поставляли подводы и корм проезжавшим государевым и монастырским людям, а иногда платили вместо ямской повинности ямские деньги. Монастырские волости имели своих старцев-приказчиков, но были и выборные мирские власти, с которыми монастырь, как и государство, вступал в определенные отношения, особенно при разверстке различных повинностей.

В монастырских волостях монастырю принадлежало право суда. Суд был в руках старца-приказчика. Но судил не только старец-приказчик, но и выборные представители волостного мира — пять или шесть «добрых» и средних крестьян.

Проживали в соловецких вотчинах и бобыли, и «казачки». Они были различных категорий, по-разному служили монастырю и вносили свою долю в его доходы. Отсюда видно, что жизнь монастыря, особенно в пору его расцвета — в XVI и XVII века — была полна мирских забот. Монастырь был тем центром, который активизировал государственную, социальную, хозяйственную и культурную жизнь русского Севера.

Монастырь использовал результаты новгородской колонизации и сам ее расширял. Монастырская колонизация усилила феодальные отношения на Севере. С помощью монастыря на Севере создавалось крупное вотчинное землевладение.

Влияние монастыря имело и другие формы. Сюда плыли на богомолье люди самого различного общественного положения: поморские крестьяне и крестьяне из отдаленных уголков Русского государства, стрельцы из Мангазеи и монахи из других монастырей. Среди трудников Соловецкого монастыря исследователь его истории называет не только русских, но и иностранцев: поляка, литвина, турка и татарина¹⁶.

¹⁶ См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927, с. 3.

Здесь в монастыре все эти люди знакомились с различными формами земледелия и хозяйствования, встречались друг с другом, с низшей недовольной братией монастыря, с политическими и религиозными преступниками, сосланными в монастырь, вступали в религиозные и политические споры, знакомились с историей, приобщались к грамоте. Трудно учесть все то активизирующее мысль значение, которое имел этот «церковный Вавилон», иногда помимо своих непосредственных задач и устремлений. А что это влияние было достаточно серьезным, — показали события соловецкого восстания, разразившиеся в 1668 — 1676 годах в пору наибольшего материального и духовного расцвета монастыря.

Соловецкое восстание 1668—1676 годов

Официальные историки русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668—1676 годов как восстание невежественных сторонников старой веры против прогрессивных реформ Никона. Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежественность староверов в XVII веке. К оппозиции официальной церкви примкнули демократические и эксплуатируемые слои русского общества. Соловецкое восстание вспыхнуло на гребне народных восстаний XVII века. Летом 1648 года произошло восстание в Москве, затем в Сольвычегодске, Великом Устюге, Козлове, Воронеже, Курске. В 1650 году поднялись восстания в Пскове и Новгороде. В начале 60-х годов происходили волнения из-за новых медных денег. Волнения эти получили название «медных бунтов». Соловецкое восстание 1668—1676 годов явилось завершением всех этих волнений и Крестьянской войны во главе со Степаном Разиным, но недовольство в монастыре проявилось значительно раньше. По-видимому, уже в 1646 году в монастыре и его владениях чувствовалось недовольство правительством. 16 июня 1646 года игумен Илья писал, чтобы привести к крестному целованию мирских людей разных чинов, стрельцов и крестьян в монастырских вотчинах. Из Москвы была вскоре прислана форма присяги. Монастырские люди обязывались в ней верно служить государю, хотеть ему добра без всякой хитрости, о всяком скопе и заговоре доносить, воинское дело исполнять без всякой измены, к изменникам не примыкать, ничего не делать самовольно, скопом или заговором и т. д. Отсюда видно, что опасность «скопов», заговоров и измен была реальной.

Постепенно накапливавшееся недовольство патриархом Никоном вылилось в 1657 году в решительный отказ монастыря во главе с его тогдашним архимандритом Ильей принять новопечатные богослужебные книги. Неподчинение монастыря приобретало различные формы в последующие годы и в значительной мере определялось давлением снизу живших в монастыре мирян (в первую очередь трудников) и рядовых монахов. Последующие годы заполнены многочисленными событиями, во время которых монастырь, раздираемый внутренними противоречиями, в целом все же

отказывался подчиниться не только церковной власти патриарха, но и светской власти царя.

В 1668 году началась вооруженная борьба монастыря с царскими войсками. Монастырь подвергся осаде и находился в этой осаде восемь лет. В монастыре находилось до семисот — семисот пятидесяти его защитников.

К восставшим примкнули бывшие разинцы и различные другие недовольные люди. Характерны в этом отношении показания старца Прохора: «Братии де в монастыре всей с триста человек, а белцев (то есть не монахов, светских. — Д. Л.) болши четырех сот человек, в монастыре заперлись и сели на смерть, златца же ни которыми образы не хотят. И стало у них за воровство и за капитонство (первые старообрядцы-беспоповцы, сторонники старца Капитона. — Д. Л.), а не за веру стоять. А в монастырь де в разиновщину пришли многие капитоны чернцы и белцы из понизовых городов, те де их воров и от церкви и от отцов духовных отлучили. Да у них же де в монастыре собралось московских беглых стрелцов и донских казаков и боярских беглых холопей и розных государственных иноземцев... и всему де злу корень собрались тут в монастыре»¹⁷.

Запасов монастыря хватило бы и на значительно больший срок, но измена монаха Феоктиста, выдавшего царскому воеводе Мещеринову потайной ход через сушило, положила конец вооруженной борьбе. Расправа с восставшими была чрезвычайно суровой. По-видимому, в последний год осады в монастыре осталось не менее четырехсот человек. В живых было оставлено только четырнадцать. По словам изменника Феоктиста, Мещеринов «иных воров перевешал, а многих, волоча за монастырь на губу (то есть на залив), заморозил». Похоронены были казненные на острове «Бабья луда» при входе в Бухту Благополучия. Трупы не были зарыты: они были забросаны камнями.

Как не стремились официальные историки монастыря представить дело так, что Соловки после подавления восстания не утратили своего морального авторитета на Севере, — дело было не так. Роль Соловков в культурной жизни Севера резко пала. Соловки оказались окруженными старообрядческими поселениями, для которых монастырь остался только святым воспоминанием. Андрей Денисов в своей «Истории о отцах и страдальцах соловецких» описал «многотомительное разорение» Соловецкого монастыря, мученичество соловецких страдальцев, и его сочинение, разошедшееся в сотнях списков и печатных экземпляров, стало одним из самых любимых чтений среди старообрядцев. Соловки отошли в прошлое.

Падению авторитета Соловецкого монастыря способствовали и его экономическое обеднение, и начавшаяся при Петре общая секуляризация русской жизни, и падение значения церкви вообще.

Вместе с тем Соловецкое восстание имело огромное значение — в укреплении старообрядчества на севере России. Несмотря на то, что восстание было жестоко подавлено, а может быть, именно благодаря этому оно послужило укреплению морального авторитета старой веры среди окружающего населения, привыкшего видеть в Соловецком монастыре одну из главных святынь православия.

Попытки использовать после подавления восстания былой авторитет Соловецкого монастыря в борьбе со старообрядчеством не привели ни к чему.

¹⁷ Барсов Е. Новые материалы для истории русского старообрядчества XVII—XVIII веков. 1890, с. 122; Чтения ИОИИДР, кн. 4, 1883, Смесь; Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта. Публикация Е. Барсова, док. 26, с. 78—80.

Восстание показало, что в идейном и социальном отношении монастырь не представлял собой сплоченного коллектива. Монастырь тех веков нельзя рассматривать как некую однородную организацию, действующую только в одном, официальном направлении. Это был социальный организм, в котором действовали силы различных классовых интересов. В силу сложности и развитой хозяйственной и культурной жизни здесь наиболее отчетливо сказывались различные противоречия, возникали новые социальные и идейные явления. Монастырь жил не замедленной и ленивой жизнью, как это представлялось многим, а переживал бурные события, активно вмешивался в государственную жизнь и социальные процессы русского Севера. Сопротивление реформам Никона было только поводом к восстанию, за которым стояли более сложные причины. Недовольные люди примкнули к старой вере, так как старообрядчество было явлением антиправительственным и направлено против господствующей церкви¹⁸.

Военное значение монастыря при Петре I

Военное значение монастыря снова возродилось при Петре I во время Северной войны. Но еще раньше, в 1694 году, Петр приезжал на Соловки из Архангельска. По дороге царская яхта попала в бурю и едва не погибла. В монастыре Петр провел три дня, очевидно, интересуясь не только его церковными ценностями, но и военной готовностью. В том же и в следующем году последовали царские пожалования. В частности, Петр пожертвовал 700 рублей (сумма по тому времени очень большая) на устройство нового иконостаса Преображенского собора.

Точно установить, где делался иконостас Преображенского собора, деньги на который были пожертвованы Петром, не представляется возможным. На основании, очевидно, каких-то устных источников русский просветитель Н. И. Новиков считал, что его резали на Соловках мастера во главе с монахом Антонием¹⁹. Нет сомнения, что основатель Троицкого скита на Анзере Елеазар Анзерский, сам бывший незаурядным резчиком по дереву (см. резанную им надпись на наружной стороне Святых ворот монастыря), оставил по себе учеников в этом деле, и поэтому сведения Н. И. Новикова могли иметь основания.

С возникновением Северной войны начались работы по сооружению Новодвинской крепости в устье Северной Двины у Архангельска с участием монастырских крестьян. Затем были обновлены старые монастырские укрепления: Кольский, Сумской и Кемский остроги. Рядом с Кольским острогом между реками Колою и Туломою была поставлена новая крепость с двадцатью пятью пушками.

В 1701 году шведская эскадра из семи кораблей вошла в Белое море и стала задерживать и топить рыболовные и торговые суда. В июне шведы пытались захватить Архангельск, но были разбиты под Новодвинской крепостью. Был захвачен и шведский флаг—первый вражеский морской флаг, ставший трофеем русских.

¹⁸ Наиболее полное описание и анализ восстания см. в кн.: *Борисов А. М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. См. также: *Барсуков Н. А.* Соловецкое восстание (1668—1676). Петрозаводск, 1954; *Сырцов И. Я.*

Возмущение соловецких монахов-старообрядцев XVII века. Кострома, 1889.

¹⁹ См.: *Новиков Н. И.* О высочайших пришествиях Петра Великого на Двину. 1783.

Летом Петр вторично посетил Соловецкий монастырь. Его сопровождали тринадцать военных кораблей. Петру салютовали пушечной пальбой из всех орудий на стенах и башнях. Петр осмотрел монастырскую стену, был в ризнице и оружейной палате. Верхом на лошади, а не в приготовленной для него роскошной повозке, которая и до сих пор сохранилась на Соловках, Петр объездил остров и был на кирпичном заводе.

Флот Петра стоял на Заяцком острове. Здесь по приказанию Петра за несколько дней стояния флота, между 10 и 16 августа была построена церковь, посвященная Андрею Первозванному²⁰, объявленному при Петре покровителем русского флота. С этих пор русские военные корабли стали плавать под Андреевским флагом—голубым косым крестом на белом фоне. Церковь Андрея Первозванного сохранилась до сих пор.

16 августа Петр отплыл к пристани Ньюходского Соловецкого усоля и здесь, сойдя с кораблей со всем войском, прошел по вновь проложенной длинной дороге к Онежскому озеру.

Впоследствии с выходом России к Балтийскому морю военное значение Соловков пало, хотя тревожная обстановка во время русско-шведских войн в 1741—1743 и в 1788—1790 годах заставляла укреплять монастырь.

Серьезная опасность угрожала монастырю со стороны Англии в 1800—1801 годах. Весной 1801 года сюда были присланы на короткое время два гренадерских батальона. Новая опасность возникла в 1809—1810 годах, когда Россия стала союзником Франции и тем самым выступила против Англии.

После 1814 года Соловецкая крепость почти полностью разоружается.

Остров Анзер в XVII, XVIII веках

Елеазар Анзерский—основатель Троицкого скита на Анзере—скончался в глубокой старости в 1656 году. Троицкий скит он основал в 1616 году.

Разорение Соловецкого монастыря после подавления возмущения мало коснулось Троицкого скита. Объясняется это, может быть, тем, что скит не участвовал непосредственно в восстании и был местом пребывания будущего патриарха Никона. Елеазар был книжным человеком: собирал и переписывал книги, писал собственные сочинения. Из Жития Елеазара мы узнаем, что он был резчиком по дереву и иконописцем. Только что появившись в Соловецком монастыре, Елеазар принимает участие в устройстве иконостасов Преображенского собора и надвратной церкви Благовещения. Елеазар,—пишется в его Житии,—«немало тщание показа в трудах, зане искусен бяше художества резнаго и в деисусех и в тяблех летогранесие явственно изъображаше». Понимать это место следует так, что Елеазар как резчик выполнял резные надписи о времени создания иконостасов. Деисусы и тябла—это ряды иконостаса: деисус—ряд непосредственно над царскими вра-

²⁰ См.: *Виноградов Н. И.* Обзорение христианских древностей Соловецкого Общества краеведения, Отд. II—Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927.

тами, в который помещались иконы деисусного чина, а тябла—все остальные ряды иконостаса. Одна из резных надписей Елеазара,—сказано в Житии,—и «до днесь» находится над Святыми вратами монастырской ограды. Ему же принадлежал гигантский образ Спаса Нерукотворного, повешенный над теми же Святыми вратами. Слава Елеазара была настолько велика уже в начале его деятельности, что когда царь Михаил Федорович был в Троице-Сергиевском монастыре и разговаривал там с монахом Александром Булатниковым о своем «безродии сыновнем», то есть об отсутствии у него наследника, Александр посоветовал царю обратиться именно к Елеазару и просить его молитв о даровании наследника. Елеазар «предсказал» царю рождение у него сына Алексея. После рождения сына Михаил Федорович помог Елеазару построить на Анзере деревянную церковь Троицы и пожертвовал ей богатые вклады: «И повеле дати из своего царского двора преподобному иконы среброокладныя, и книги, и ризы, и всяку утварь церковную на священодействие: к сему же и сребра довольно на создание церкви. Таже и грамоту подаде, да на коеждо лето имеет святой себе потребная от града на церковь и братиам»²¹. Сын Михаила Федоровича—Алексей, став царем, почитал Елеазара своим «богодарованным отцом», вызывал его в Москву, помог построить каменный храм Троицы взамен прежнего деревянного, снабжал богатыми вкладыми, дал грамоту, по которой новый монастырь получал «определенную пищу» и усугубил «потребная церквам».

Одно из самых важных и сложных деяний основателей монастырей—была организация монастырской библиотеки, без которой не могло быть монастырской жизни. Устроителем монастырской библиотеки на Соловках был в конце XV века Досифей. На Анзере эту почетную обязанность выполнял сам основатель скита—Елеазар. Во вкладной книге Анзерского скита сказано об Елеазаре: «От многаго божественного писания различныя повести собра, и три книги Цветника своею рукою написа уставом; такожде и чин монашеского келейнаго правила». Свои «предивныя книги» Елеазар положил в «церковную книгохранительницу», куда постоянно покупал на деньги и другие книги, а также собирал книжные пожертвования. Впоследствии библиотека Анзерского скита вошла в Соловецкое собрание, хранящееся сейчас в Публичной библиотеке в Ленинграде. Одно из сочинений Елеазара Анзерского имеет немалое историко-литературное значение: это его автобиография. До недавнего времени автобиография протопопа Аввакума казалась по своему жанру чем-то необычным для XVII века. После опубликования автобиографии «соузника» Аввакума—Епифания автобиография Аввакума в значительной мере утратила свое одинокое положение. Но автобиография Елеазара показывает, что автобиографии были закономерным явлением в литературе XVII века.

Учеником Елеазара Анзерского был на Анзере будущий патриарх Никон. Не от Елеазара ли он приобрел свою любовь к книгам? Известно, что Никон не был только инициатором «исправления» книг, но собирал книги и жертвовал их в монастырские библиотеки.

С конца XVII века духовное и церковное значение Соловков, а с ними вместе и Анзера, падает. Единственное почитаемое лицо этого периода на Анзере—схимник Иисус, основатель Голгофо-Распятского скита на Анзере. Но характерно, что и он

²¹ Православный собеседник, Ч. 1, 1860, с. 241—242.

явился на Соловки в качестве опального и сосланного. Биография этого схимника, сперва принявшего монашеское имя Иовы Многострадального, а затем в схиме — третье крайне редкое имя Иисус (во имя ветхозаветного Иисуса Навина) и подчеркнувшего страдальческое начало в названии основанного им скита — Голгофо-Распятский, — во многом загадочна. В прошлом это был духовник Петра I. Сослан он был на Соловки и пострижен, по-видимому, за то, что не выдал начальству «злоумышления», открытого ему на исповеди²².

Бомбардировка монастыря англичанами в 1854 году

Ограничение монастырского землевладения в XVIII веке и особенно общая секуляризация монастырских имуществ в 1764 году постепенно подорвали экономическую мощь монастыря, хотя все же он продолжал оставаться достаточно богатым до самого XX века.

В XIX и XX веках культурное и историческое значение Соловков падает.

Стоит только упомянуть, что здесь на Соловках архимандритом Досифеем был создан замечательный для своего времени научный труд: «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (ч. I—III., М., 1836). Этот труд не утратил своего источниковедческого значения и до сих пор, так как был написан в основном по рукописным материалам, некоторые из которых были впоследствии утрачены.

К числу славных страниц в истории Соловецкой крепости прибавилась только одна, но достаточно яркая — стойкое сопротивление монастыря английской эскадре в июле 1854 года. В начале июня в Белом море появилась англо-французская эскадра из десяти кораблей под командованием капитана Э. Омманея. Эскадра крейсировала по Белому морю, останавливала, грабила и топила торговые корабли, пыталась высадить десант на острове Мудьюг в устье Западной Двины, бомбардировала селения. Обороной Соловков командовал архимандрит Александр — бывший полковой священник, имевший потому некоторые военные познания. В его распоряжении находились пятьдесят три престарелых инвалида, главной обязанностью которых на Соловках было охранять ссыльных и заключенных. К этим инвалидам добавилось большое число добровольцев из богомольцев, работников, послушников, монахов и даже заключенных.

Оружия на Соловках было очень мало. Двадцать старинных пушек были по большей части совсем непригодны к делу. Могли быть употреблены для обороны только два орудия. Пороха было всего двадцать пудов. Из Новодвинской крепости было привезено восемь маленьких пушек со снарядами на шестьдесят выстрелов для каждой. Оттуда же явились на остров инженерный офицер и фейерверкер, первый занялся устройством и вооружением батареи, а последний принялся за обучение монахов стрельбе.

²² Летопись Голгофо-Распятского скита, ГПБ, Солов. собр. 1014—1123, л. 66.

6 июля 1854 года к монастырю подошли два паровых шестидесятипушечных трехмачтовых фрегата—«Бриск» и «Миранда». Оба корабля, постояв немного против монастыря, отошли в направлении Кеми, но через час вернулись и подняли переговорные флаги. Сигналы эти не были поняты в монастыре, и тогда англичане произвели три выстрела, на которые монастырская батарея, спрятанная за пригорком мыса, ответила выстрелами. Началась бомбардировка монастыря. Пушки, расставленные по стенам, не могли отвечать: их ядра не долетали до английских кораблей. Отвечала лишь береговая батарея. Один из кораблей, «Миранда», был поврежден и отошел за Кладбищенский мыс для починки. Первая бомбардировка прекратилась.

На следующий день, 7 июля, рано утром английские парламентарии под белым флагом доставили в монастырь ультиматум, в котором требовалась полная сдача гарнизона вместе со всеми пушками, оружием, военными припасами и знаменами. В противном случае монастырю угрожала бомбардировка.

Архимандрит Александр созвал военный совет из старших монахов и начальника инвалидной команды, который и составил категорический отказ англичанам.

Без четверти восемь утра был произведен бортовой залп, и бомбардировка началась. Английским ста двадцати корабельным пушкам противостояли десять старых монастырских пушек. В начале отстреливались только две маленькие пушки береговой батареи, но, когда один из фрегатов приблизился к монастырю, стрелять стали и те восемь пушек, которые были расставлены на стенах.

Последнее ядро, пущенное по монастырю, пробило икону над дверями Преображенского собора. Это было в 5 часов вечера. После этого бомбардировка прекратилась. Англичане выпустили по монастырю тысячу восемьсот ядер и бомб. Повреждения были незначительны. Была пробита стена в деревянной кладбищенской церкви Онуфрия, повреждена Архангельская гостиница, пробит купол Никольской церкви, повреждены стены Преображенского собора. Пожары легко тушились. Убитых и раненых в монастыре не оказалось, хотя жители и монахи несколько раз ходили крестным ходом по стенам на виду у неприятеля. Бомбардировкой Соловецкого монастыря в июле 1854 года как бы закончилась военная история монастыря. Монастырь выдержал осаду и не уступил военной силе англичан, но вместе с тем эта славная страница в жизни монастыря-крепости показала, насколько сократилось военное значение Соловков в организации обороны северных границ Русского государства. Соловецкий гарнизон смог отстоять только монастырь, но об обороне берега невозможно было и думать. Не случайно, что вскоре после войны 1854—1855 годов крепость монастыря была упразднена.

Вместе с тем пало и значение монастыря как культурного центра. Увезенное с Соловков собрание рукописей не было возвращено на остров. Произошло это так.

26 марта 1854 года синод приказал соловецкому архимандриту Александру отправить на материк в безопасное место все монастырские драгоценности и рукописи. Эти драгоценности и рукописи были в конце апреля упакованы в ящики и бочки. Среди этой клади были и 16 больших ящиков монастырской библиотеки. В этих ящиках было 1356 рукописных книг и 83 старопечатных. Ящики и бочки были доставлены в Антониев-Сийский монастырь недалеко от Холмогор.

В 1856 году драгоценности были возвращены на Соловки, но библиотека монастыря была отправлена в Казанскую духовную академию. А в 1858 году синод распорядился оставить рукописное собрание в Казани. Объяснялось это распоряжение тем, что Казанская духовная академия была в те времена довольно большим центром по изучению рукописей. Там и началась работа по научному описанию соловецких рукописей. Описание это стало выходить отдельными книгами с 1881 года. Три выпуска этого описания исследователи древнерусской письменности пользуются и до сих пор²³. После Октябрьской революции соловецкие рукописи были перевезены из Казани в Публичную библиотеку в Ленинграде, где они хранятся и изучаются исследователями.

Судьба соловецких документов была несколько иной. Еще в 1834 году известный археограф и член Археографической комиссии Я. И. Бередников увез часть документов в Петербург в Археографическую комиссию (сейчас они находятся в Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР). В 1916 году архив осматривал в Соловках Б. Д. Греков. Отчет об этом осмотре и об ужасающем состоянии, в котором находились бумаги, был напечатан Грековым в «Летописи занятий Археографической комиссии»²⁴. В 1917 году Б. Д. Греков снова приехал на Соловки, чтобы вывезти рукописи в Петроград. Ему удалось довести их до Котласа, но далее оказалось, что привезти их в Петроград не удастся, и весь архив направили в Пермь. В 1918 году Б. Д. Греков уехал из Перми. Часть документов пропала. В конце 20-х годов архив был перевезен в Москву и находится сейчас в Центральном Государственном архиве древних актов.

Небольшая оставшаяся на Соловках часть документов сгорела, отдельные документы и некоторые случайные рукописи оказались расхищенными.

Ссылные и заключенные Соловецкого монастыря

Соловецкий монастырь, как и всюду, где собираются люди с разных концов земли, из разных классов и сословий, разные по образованию и убеждениям, был на протяжении всего своего существования действенным центром умственного общения, страстных идейных, религиозных споров, исповедничества и антиправительственного брожения.

Эта роль монастыря усиливалась тем, что в течение почти всего своего существования, за исключением первых нескольких лет после 1903 года, он был местом, куда ссылали и заключали самых различных людей, нуждавшихся, по мнению гражданских и церковных властей, в «духовном исправлении».

Среди ссылных мы находим здесь игумена Троицкого монастыря Артемия, осужденного на церковном соборе 1553—1554 годов за ересь Башкина. Артемию удалось бежать с Соловков в Литву, где он стал активным защитником православия. В 1561 году в монастырь был отправлен священник Сильвестр, один из участни-

²³ См.: Порфирьев И. Я.
Описание рукописей
Соловецкого монастыря. Ч. 1, Казань, 1881.
Ч. 2, 1885. Ч. 3, отд. 1,
1898.

²⁴ См.: Летопись занятий
Археографической ко-
миссии за 1923—1925
годы. Вып. 33, Л., 1926,
с. 77—99.

ков собора 1553—1554 годов, осудившего Артемия. Сильвестр—в прошлом наставник Грозного и член Избранной рады, был и автором Домостроя.

Сюда в Соловецкий монастырь к сосланным «иосифлянину» Гурию Заболоцкому и «нестяжателям» Кассиану и Гурию Коровиным направлял в середине XVI века свои «утешительные» послания известный борец с еретиками Зиновий Отенский. Здесь в конце XVI века был некий чернец «гишпанские» земли Николай.

В Соловецком монастыре жил ослепленный Годуновым и постриженный Дмитрием Самозванцем инок Стефан—бывший касимовский, а затем «всея Руси» царь Симеон Бекбулатович. В 1611 году из боязни нападения на Соловки он был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. С 1620 по 1626 год здесь провел в иночестве опытный келарь Троице-Сергиева монастыря, автор известного «Сказания» о событиях Смуты Авраамий Палицын. Сюда сослан был ученый старец Арсений Грек по подозрению в отступлении от православия. В 1652 году он был вызван с Соловков патриархом Никоном для работы по исправлению книг. За протест против никоновских реформ сюда был сослан князь Львов.

После подавления Соловецкого восстания воеводой Мещериновым последний сам оказался узником Соловков по обвинению в присвоении части монастырских богатств.

В 1691 году по указу Петра I в соловецкую «земляную тюрьму» был посажен самозванец Ивашка Салтыков. При Петре в 1701 году в Соловки был отправлен книгописец Григорий Талицкий, составивший «воровское письмо» о том, что Петр—антихрист. В том же году сюда был прислан его единомышленник тамбовский епископ Игнатий, сидевший в каземате Головленковской башни.

В правление Петра в Соловецком монастыре были заточены два графа Толстых. Один из них, П. А. Толстой, автор известных записок о путешествии в Италию, был дипломатом, министром и любимцем Петра. Он в свое время по поручению Петра сумел хитростью вывезти из Италии царевича Алексея. Соперник П. А. Толстого—временщик князь В. Л. Долгорукий также в свою очередь попал в заключение на Соловки.

Здесь на Соловках сидел в заключении последний атаман Запорожской Сечи—Петр Кальнишевский. Освобожденный в 1801 году после двадцатипятилетнего заключения, он остался на Соловках и умер через два года в возрасте 112 лет. По преданию, Кальнишевский просидел шестнадцать лет в каземате рядом с сушилом²⁵.

В XIX веке сюда продолжали ссылать «под начал» и заточать в тюрьму самых различных людей: бродяг и купцов, солдат и вельмож. Ссылались сюда и церковными и светскими властями «за дурость», «за инакомыслие», за ереси и приверженность к старой вере, за беспробудное пьянство, за двоеженство и т. д. Но больше всего здесь было заточенных и ссыльных за свои убеждения, веру и страстные поиски истины. Жили в самых различных условиях: от тюрьмы без права общения с внешним миром до сравнительно свободного пребывания и разрешенного общения.

Из наиболее значительных заключенных XIX века упомянем игумена сибирского Селенгинского монастыря Израиля—основателя секты и друга сосланного в Сибирь декабриста А. Н. Муравьева, членов тайного общества—М. Критского и Н. Попова, декабриста А. Горожанского, члена Кирилло-Мефодиевского братства Г. Андруз-

²⁵ См.: Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. Исторический очерк. М., 1908, с. 10.

ского, участников известной демонстрации 6 декабря 1876 года на площади у Казанского собора Я. Потапова и М. Григорьева.

Среди соловецких узников XIX века хотелось бы отметить особо одного — дядю Пушкина — Павла Исааковича Ганнибала, родного внука «арапа Петра Великого». Судьба его в какой-то мере типична для судьбы соловецких узников и поможет нам яснее представить себе, при каких обстоятельствах отправляли на Соловки в XIX веке. Он был офицером флота, потом служил в казачьем полку, затем в гусарах и отличился во время Отечественной войны 1812—1814 годов. Он был дружен с Пушкиным лицеистом и однажды, поссорившись с ним в Царском Селе на балу из-за девицы, с которой оба хотели танцевать, был вызван Пушкиным на дуэль. Вызов благополучно закончился шутивными ответными стихами Ганнибала:

«Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал».

Как человек искренний, открытый и вспыльчивый, Ганнибал постоянно попадал в разные злключения. 1826 год оказался для него роковым. В этом году в июне в одной петербургской «ресторации» Ганнибал в разговоре вступился за казенных декабристов. Он напомнил своему случайному собеседнику, подполковнику Краковскому, бранившему декабристов, царский указ, запрещающий «упреки потерпевшим наказание», а затем в пылу спора сказал, что «несчастные» были наказаны слишком строго. Последовал донос, и через два месяца Ганнибал был арестован, отправлен в каземат Петропавловской крепости, а затем в ссылку в Сольвычегодск.

В Сольвычегодске Ганнибал, то «впадавший в ипохондрию», то необузданно веселый, продолжал бедокурить. Он приобрел медную пушечку и стрелял из окна, наводя ужас на жителей городка; набирал в долг денег у обывателей и даже у самого городничего умудрился занять в долг 165 рублей. Приходил в гости без приглашения. Так, явившись в гости к купцу Мамаеву, он «оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения» к тестю Мамаева купцу Пьянкову. Выхватил нож, угрожал им и даже приставил нож к груди протоирея, показывая, как он расправится со своим «неприятелем». На рапорте городничего вологодский генерал-губернатор написал резолюцию, распорядившись, чтобы Ганнибал просил извинения у оскорбленных им лиц и никуда не ходил без приглашения, кроме церкви. Но Ганнибал продолжал куролесить в городе, ездил без приглашения к жителям вместе со своим новым другом экспедитором Воронежским, так что жителям пришлось от него запираяться и вечерами сидеть без огня. Требование губернатора извиниться привело Ганнибала в ярость. Он кричал: «Как смел генерал-губернатор обо мне так писать! Он мой не начальник; как смел писать, чтобы я просил прощения, и у кого же, у купцов?!» Он трижды заявлял, что убьет городничего, но, «впрочем», будет кормить его шестерых детей. «Что мне дети! Я их прокормлю, но вы жить не будете!» — заявлял свирепый и добрый Ганнибал.

Начались переговоры между различными должностными лицами и учреждениями о переводе Ганнибала в Соловки. Это и было сделано «с соизволения государя

императора». Ко времени своего отъезда Ганнибал хворал и стих. Он выехал из Сольвычегодска, выдав всем долговые расписки и при свидетелях подтвердив свой долг городничему. Своему крепостному слуге он оставил 7 рублей денег, очевидно, из последних. Ехал Ганнибал в сопровождении жандарма и гарнизонного солдата. Через две недели он прибыл на Соловки, где был отдан «под квитанцию» штабс-капитану соловецкой инвалидной команды «под воинский присмотр». Когда его заперли в тесный чулан, он пришел в бешенство, бился, пытаясь вырваться. Его двери подпирали снаружи. Через две недели он стих и вел себя смирно.

Всюду, куда попадал Ганнибал, благодаря его открытому характеру у него довольно быстро оказывались друзья. Он заслужил расположение архимандрита Досифея — известного своими трудами по истории Соловецкого монастыря. Досифей лично ходатайствовал о возвращении Ганнибала «к своему семейству», подарил ему собственную шубу «из-за суровостей соловецкого климата», перевел в лучшие условия. Во время пребывания Ганнибала в ссылке его жена, которую он в свое время бросил, проявила изумительную самоотверженность в попытках освободить своего мужа. Она не только писала различные ходатайства, просила Бенкендорфа, но и бросилась в ноги Николаю I на параде перед Михайловским замком. В конце концов Ганнибалу было разрешено жить в Луге, где он пользовался расположением и уважением жителей до конца своих дней²⁶.

На Соловках Ганнибал пробыл с весны 1827 года по октябрь 1832 года.

Отмечу, что на Соловках был и другой родственник А. С. Пушкина — его двоюродный дед Сергей Пушкин. Он находился здесь с 1781 по 1795 год по обвинению в подделке бумажных ассигнаций²⁷.

Ссылки и заключенные не только роняли святость места и развращали монастырские власти, превращая их в своего рода тюремщиков (хотя, собственно, тюрьма находилась в ведении не монастыря, а светских властей), но и составляли трудно учитываемую культурную силу.

Упразднена соловецкая тюрьма была в 1903 году по представлению печально известного впоследствии по русско-японской войне военного министра А. Н. Куропаткина. Куропаткин обследовал тюрьму и пришел к выводу о необходимости ее закрыть. Помещение тюрьмы отдано было монастырю под больницу²⁸.

Заключение

Что такое «историко-культурное значение» Соловецкого монастыря? Одна-единственная морализующая точка зрения на события далекого прошлого, принимаемая обычно при исследовании истории Соловецкого монастыря, не лишена наивности. Ее можно рассматривать как попытку «в лоб» перевернуть елейное церковное изображение событий монастырской жизни. Между тем расценивать историю монастыря только с этической точки зрения едва ли правильно. Мы должны оценить ее в свете той общеисторической роли, которую сыграло каждое событие, каждый род деятельности монастыря в жизни русского Севера.

²⁶ О П. И. Ганнибале см. подробнее: *Блинов И.* Павел Исаакович Ганнибал, дядя А. С. Пушкина. — «Рус. старина», т. ХСVIII, 1899, май, с. 353—364; *Модзалевский Б. Л.* Дядя Пушкина Павел Исаакович Ганнибал. — «Дела и дни». Кн. 1. 1920. Петербург, с. 260—270; *Вересаев В. В.*

Спутники Пушкина, т. 1. М., 1937, с. 384—386.

²⁷ См.: *Блинов И.* «О бывшем Пушкине». — «Рус. старина», т. ХСVIII, 1899, май, с. 359—364.

²⁸ О Соловках как о месте заточения см.: *Колчин М. А.* Ссылки и зато-

ченные в острог Соловецкого монастыря; *Фруменков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII—XIX веках. Архангельск, 1963. Здесь же указания на литературу вопроса.

Монастырь—это не только монастырские верхи и официальная церковность. Монастырь—это и его рядовые монахи из крестьян, это и его трудники—тоже крестьяне, это и его паломники, приезжавшие сюда со своими жизненными невзгодами, это и его ссыльные и заключенные, стрельцы и солдаты, ремесленники и мастера. Это кипучее и пестрое сообщество людей, общавшихся между собой и враждовавших друг с другом, вносящее в жизнь малонаселенного русского Севера движение и развитие.

В жизни Севера монастырь сыграл первенствующую роль, особенно в XVI и XVII веках. Его роль не ограничивалась ускорением процессов феодализации, военной обороной Севера, распространением более совершенных форм хозяйствования, технического прогресса и приобщением жителей Севера к более высокому строю общества. Его роль заключалась также в развитии оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству, в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия, произведений живописи и художественных ремесел. Он был своего рода музеем, хранителем древнерусских музыкальных традиций и грандиозным ансамблем памятников древнерусского зодчества, обладавшего большой силой эстетического воздействия.

Будем считать в истории Соловецкого монастыря исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что в свою очередь восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру.

В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»²⁹. Это положение В. И. Ленина относится к оценке деятельности не только исторических деятелей, но дает правильный критерий для оценки значения исторических явлений вообще.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.